

«Русские - самый коллективистский народ - и самый индивидуалистический. Самые мирные - и самые жестокие. Самые щедрые - могут последнюю рубаху отдать - и самые жадные». «В стране, где власть носит в себе ген Ивана Грозного, не может не быть противостоящей ей зверской стихии. Все это вписывается в бескрайность, безграничность русской души. Эта бескрайность характера во все стороны приводит к величайшим, прекраснейшим проявлениям характера - и к страшному безобразию, к русскому свинству».

Это фрагменты беседы («КП» за 3 марта) нашего обозревателя Инны Павловны Руденко с преподавателем МГУ Мариной Князевой. Беседа вызвала живой отклик у читателей. Потребность продолжить разговор была очевидна. И мы пригласили на чаек известного литературоведа, автора многих книг о русской истории и русской культуре Вадима Кожина.

«Государство - это он»

- Вадим Валерианович, вы принципиально не согласны с доводами нашего собеседника?

- Нет, почему же. Во многом согласен. Марина Князева, например, резко противопоставляет русский менталитет западному. Говорит об идеалистической основе русского сознания. Это справедливо.

- Что же тогда вызывает возражение?

- Она прогнозирует такое историческое развитие России, которое совершенно не вытекает из русского менталитета.

- Разве?

- Выстраивая будущее России, многие упускают одну необходимую доминанту, а именно - государство. Дело в том, что в России государство всегда играло исключительную роль. Причем это объясняется именно характером народа. Когда говорят о том, что в России всегда была деспотическая власть, то получается, что власть была какая-то немотивированная, так сказать, имманентно деспотическая, и просто «не повезло» русскому народу, что во главе оказывались какие-то ужасные насильники и тираны.

- А на самом деле повезло?

- Еще Толстой любил повторять, что в России не свобода, а воля. Любое ослабление государственной власти приводило у нас к чудовищным последствиям. Болотниковщина, разинщина, булавинщина, пугачевщина. Дальше - махновщина, антоновщина... То есть достаточно было государственной власти выпустить вожжи из рук - и сейчас же вся жизнь впадала в хаос.

- Но разве это сугубо русское явление?

- Я процитирую слова очень умного и наблюдательного человека Мориса Палеолога. Это французский посол в России в 1914-1917 годах. В своем дневнике буквально за две недели до Февральской революции он записывает: «На какую ни стань точку зрения, русский представляет всегда парадоксальное явление чрезмерной покорности, соединенной с сильнейшим духом возмущения. Мужик известен своим терпением и фатализмом, своим добродушием и пассивностью. Но вот он вдруг переходит к протесту и бунту. И тотчас его неистовство доводит его до ужасных преступлений и жестокой мести, до пароксизма преступности и дикости. Нет изощществ, на которые не были способны русский мужчина или русская женщина, лишь только они решили утвердить свою «свободную личность». Можно отчаяться во всем. О, как я понимаю посох Ивана Грозного и дубинку Петра Великого!» И это пишет либерал, демократ!

«Костями ляжем, а срама не имам»

- Мы что же, на такой беспристрастный взгляд не способны?

- У нас очень распространено оценочное сопоставление России и Запада. Но когда речь идет о грандиозных социально-исторических реалиях, о странах, существующих тысячу лет, то такого рода подход совершенно бессмыслен. Он даже, если хотите, нелеп. Это все равно что сравнивать зиму и лето.

- А какой же подход правильный, из чего надо исходить?

- Не из того, что лучше и что хуже, а что Россия - это просто другое. Что прекрасно на Западе, может оказаться у нас прямо противоположным, и наоборот. У меня серьезные сомнения в таких «проектах будущего».

Фото «Primus».

Вадим КОЖИНОВ:

Жизнь. правда. - 1998. - 14 апреля. - с. 3

Мы не лучше и не хуже других. Мы другие

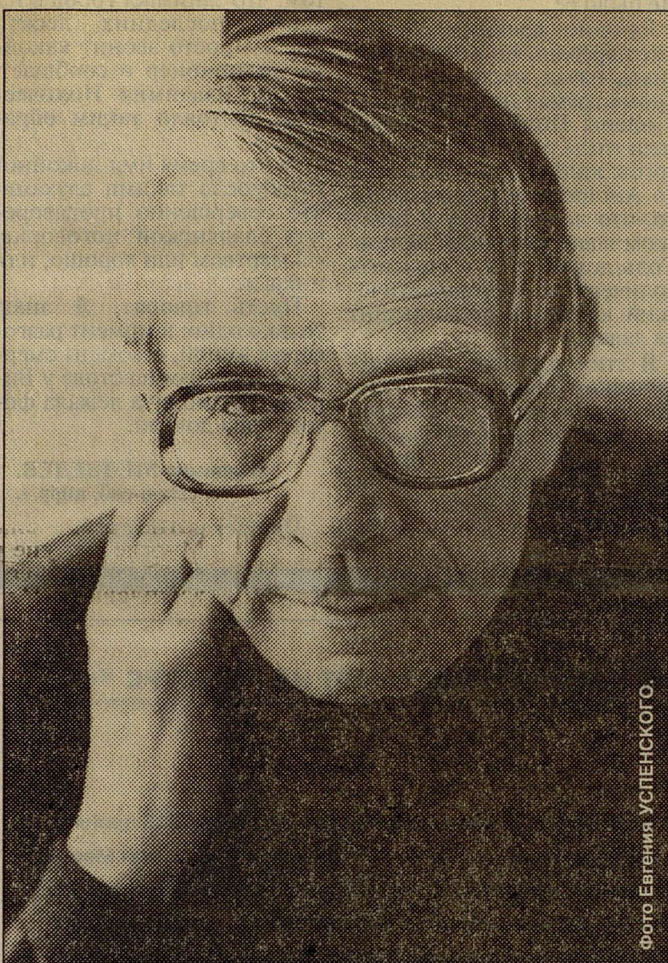

Фото Евгения УСПЕНСКОГО.

- Почему?

- Во-первых, Марина Князева как бы предлагает «отделаться» от тех качеств, которые воплотились в образе Онегина, Обломова и вообще в основных образах отечественной литературы. Но это, в сущности, означает предложение «заменить» народ России каким-то иным. Не менее или даже более несообразно, что в рассуждениях совершенно не учитывается государство. Ей кажется, что какие-то отдельные люди или сообщества людей могут что-то очень существенное сделать в стране. Но вся жизнь показывает, что это не так. Всегда решающую роль играло все-таки государство.

- А роль личности?

- Она всегда у нас производное от государства. Именно в силу чрезвычайной «вольности» народа государство должно играть роль более значимую, чем на Западе. Важно понять это, не проклиная и не восхваляя, а понимая.

- Ведь этим, к слову сказать, можно объяснить и апологию героизма в русском эпосе. 1100 лет назад Святослав сказал, обращаясь к войску: коли ляжем костями, срама не имам. То есть - не будем посрамлены. Но ведь в этом высказывании есть глубокий смысл. Это апология не просто героизма, а, если хотите, державности.

- Вместе с тем Марина Князева говорит об идеализме, о мечтательности русского народа. И одновременно - что Россия завалена мусором, ужасно неряшливая страна. От этой сокровенной тайны, на ваш взгляд, тоже ключ в сундуке державности?

- Много-много лет назад я прочитал, кажется, у вас в «Комсомольской правде», исповедь женщины, которая долго прожила в ФРГ, муж ее был какой-то внешнеторговец. Она с ужасом описывала, что

напротив их дома стоял домик, в котором жила добродетельная немецкая семья. Соседи первую половину каждого воскресенья занимались тем, что чистили и мыли свой автомобиль. Ее приводило это в ужас - как же так, люди единственный выходной день тратят на такое занятие! А дети, а природа, а книги, театры? Потом я сам побывал в Германии и действительно поражаюсь этому стремлению к чистоте, которое поглощает немцев полностью. В России действительно это не так. Ну вот я говорю: на последнем суде предстают перед Господом благоустроивающий необычайно свой быт немец и вот этот неряшливый русский, который думает о каких-то идеальных вещах, высоких материях. Как сложится окончательный суд? И что будет высшим критерием? Я не знаю... У меня нет твердой уверенности, кто попадет в рай...

- В чистоте быта выражается и внутренняя человеческая чистота.

- Я не берусь решать, что лучше. Но я просто говорю, что мы другие. Из ваших рассуждений вытекает представление, что можно иметь и то, и другое. Но это такое простодушное субъективное решение.

Иоанн не злодей

на фоне Карла

- Однако Марина Князева опирается в своих выводах и заключениях на русскую историю, на многовековой опыт.

- Понимаете, как-то у нас считается возможным, говоря о России, быть недостаточно знакомым с русской историей. Вот, скажем, в статье упоминается событие, которое давным-давно признано легендой, - о том, что будто бы Иван Грозный ослепил Барму и Постника, строите-

лей храма Покрова, который известен больше под названием храм Василия Блаженного. Но давным-давно стало ясно, что история об ослеплении - легенда позднего времени. И более того, Барма и Постник - это одно лицо - Барма Постник. Так же она считает возможным представлять Ивана Грозного в виде такого неслыханного злодея. Между тем возьмите самые серьезные исторические исследования об Иване Грозном. Из них вы узнаете, что при Иване Грозном было казнено три, максимум четыре тысячи человек. Между тем, его современник Карл IX за одну ночь уничтожил три тысячи гугенотов. За одну ночь - не за тридцать лет правления! А вообще на Западе в тот же период, когда у нас правил Иван Грозный, было казнено, причем обычно самыми жестокими методами, вплоть до сожжения живьем, 300 - 400 тысяч человек. По тогдашним временам это гигантская цифра.

- И что тогда оправдывает жестокости Грозного и его «коллег» по престолу?

- Не оправдывает, а объясняет. Единственное существенное различие заключается в том, что там это было сделано по закону парламента, а очень многие казни, совершенные при Иване Грозном, были следствием его личного произвола.

- И все же Иван Грозный остался в русской истории кровавым правителем. Из исторической памяти это не вытравить.

- Только надо бы все-таки понять, откуда это исходит. Главным виновником этой мрачной славы царя был... сам Иван Грозный. Потому что вскоре после отмены опричнины он покаялся, написал о себе как о смердящем псе, смертоубийце. Он написал это в виде послания в Кирилло-Белозерский монастырь, и это письмо разо-

нять опять необходимо. Замечательный русский философ Петр Чаадаев оставил совершенно замечательное суждение о введении крепостного права в России. Был, как вы, очевидно, знаете, отменен так называемый Юрьев день. В этот день, когда кончались все сельскохозяйственные работы, любой крестьянин мог уйти от своего помещика в другое место. И это делали сотни тысяч людей. Не понравилось что-то - и они переходили в другое место. Так вот, Чаадаев по этому поводу замечательно написал, что Россия к концу XVI века уже являла собой громадную страну, но в то же время состояла из - вот дальше я цитирую буквально: «из сравнительно немногочисленного населения, бродившего на пространстве между 65-м и 45-м градусами северной широты». По-моему, прекрасный образ России - в нем вместились двухтысячелетнее расстояние между Белым и Азовским морями. «Несомненно то, - продолжал Чаадаев, - что нужно было положить конец бродячей жизни. Таково было основание административной меры, клонившейся к установлению более стабильного порядка вещей. Этой мерой, как известно, мы обязаны Иоанну IV, этому государю, еще недавно так неверно понятому нашими историками, но память которого всегда была дорога русскому народу». Как видите, Иван Грозный и крепостное право появились не по злой воле.

- Вадим Валерианович, давайте перенесемся в современные реалии. А Бориса Ельцина вы бы рискнули вывести из Ивана Грозного?

- Нет. Потому что при всех своих страшных сторонах Иван Грозный был все же великим создателем. Хотя в чисто внешнем плане - манеры, жесты, фактура - в Ельцине есть нечто от старой традиции.

- А вам не кажется, что если бы Ельцин, а не Горбачев, стал Президентом СССР, ему удалось бы сохранить страну?

- Вы знаете, вполне возможно, как ни странно.

Огромную роль сыграло бы стремление Ельцина к сильной власти, которое могло быть поддержано народом. Но, к сожалению, после Андропова пришел к власти слабый правитель. И он, так же как Николай Второй в начале века, не справился со страной.

- Вадим Валерианович, ваш прогноз - монархия имеет у нас шанс возродиться?

- Я убежден, что у нас это будет абсолютной фальсификацией. Царь у нас возможен только как Божий помазанник. А для этого необходимо, чтобы большинство народа было действительно верующим. Мы все должны возвыситься до религии. А для этого нужно совершить сложнейшую операцию, несложно сложную. 80 лет жизни без веры не могли не переиначить природу русской души. Но обратить ее снова к Богу - задача невероятно трудная.

Подготовил Василий УСТЮЖАНИН.

Иван Грозный и крепостное право появились в России не по злой воле.

шло во множестве списков. А раз сам признал - так чего же тут говорить! Французским, английским и испанским правителям никогда бы даже не пришло в голову что-либо подобное. Напротив. Римский Папа их благословлял на это. После Варфоломеевской ночи он устроил иллюминацию в Риме и прислал благодарное послание королю за то, что тот расправился с еретиками-протестантами. В то время как целый ряд наших церковных иерархов, в том числе митрополит Филипп, беспощадно осудил Ивана Грозного за насилие. Но самое-то главное заключается в том, что деспотизм Грозного, а потом и других правителей объясняется во многом вот этой чрезмерной вольностью народа, которая уходит корнями во всю историю, и прежде всего - даже в географию.

- На географию сейчас модно списывать все - и крепостное право, и террор, и нашу отсталость.

- Списывать не надо. А по-

Комментарий Вадима

19.04.98